

Мирон Варламов

Безликий

12+

Мирон Варламов

Безликий

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Варламов М.

Безликий / М. Варламов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Данная книга представляет собой сборник рассказов, в которых затрагиваются темы, связанные с проблемами современной культуры и ее воздействия на человека 21 века. Новый человек ориентирован на форму вещей и избегает их глубинного содержания, что приводит его существование к страстной гонке за познанием того, что лежит на поверхности. Человек 21 века вынужден искать там, где он в итоге находит пустоту, но для понимания своего положения ему приходится переосмыслить свои ценности и идеалы.

Мирон Варламов

1 часть

Безликий

1

Небольшое помещение, находившееся на первом этаже многоэтажного дома в центральной части города С., было наполнено различными запахами, которые на протяжении многих лет пропитывали собой старинную мебель, выкрашенные в светло-бежевый цвет стены, скрипучие, деревянные полы и оконные рамы художественной лавки «Эрнест», названной в честь ее скромного владельца Эрнеста Рудольфовича. Аромат деревянных мольбертов, отсыревших холстов, масляных красок, приятно сладкой гуаши и медовой акварели, еле слышимый аромат новых кисточек, который могли обонять немногие посетители художественной лавки, и запах плотной бумаги придавали этому месту творческую атмосферу. За прямоугольным прилавком, который представлял собой миниатюрную копию магазина, стоял Макс и смотрел в окно, через которое открывался динамичная картина оживленной улицы города. По магазину вальяжно ходило несколько человек. Они внимательно рассматривали баночки с красками, различные по форме и длине кисти, холсты и иногда останавливались перед натюрмортами и пейзажами, которые Эрнест Рудольфович никак не мог продать на выставках и аукционах. Макс привык не обращать внимания на посетителей; он был погружен как, впрочем, и всегда в свои собственные размышления. Было около трех часов дня и солнце на небосводе с минуты на минуту должно было принять особое положение, которое Макс на протяжении нескольких дней наблюдал с интересом, сменявшийся тихим восторгом. Лучи небесного светила в определенный момент просачивались сквозь помутневшие окна в помещение лавки под таким углом, что можно было наблюдать свет в чистом виде – ту полосу, которую он создает, пронзая невесомый воздух и хаотично кружащиеся в нем частицы пыли, наделяя потускневшие предметы и вещи новой цветовой гаммой. Когда это мгновение в очередной раз настало, Макс незаметно улыбнулся. Он видел нечто притягательное и загадочное в природе света. Макс с удивлением подумал, что весь многочисленный цветовой спектр, известный человеческому глазу, может потерять свои краски, если поместить его в темноту, и будь то ультрамарин, аделаида, вермильон, маренго, либо бардовый или винный оттенок – он станет черным. «Свет дает способность всему на земле обретать цвет. – Сказал сам себе Макс, искреннее поражаясь новому открытию. – Вот, чего мне не хватало...».

– Маааакс! – Как обычно протянул нараспев гласную «а» Эрнест Рудольфович, мелкими шагами подходя к прилавку. – Ты снова витаешь в своем мире и никому не улыбаешься? Я тебе выплачиваю деньги за то, чтобы ты иногда говорил с людьми, и показывал им ряд своих белоснежных зубов, которые они так хотят увидеть, потому что потом эти люди принесут свои деньги прямым мне в кассу.

Еврейская натура владельца художественной лавки была одной из доминирующих натур, которые соединились в нечто единое после его рождения. Эрнест Рудольфович был настолько евреем, настолько и русским, в меньшей мере немцем и немного англичанином. Его родословная могла бы стать предметом для исследования западного этнолога, настолько в ней было все запутанно, но тяга к деньгам и безобидной хитрости были ярко в нем выражены, что позволило ему извлекать неплохой доход из своей художественной лавки и спекуляциями с объектами творчества. Наняв несколько лет назад на работу Макса в качестве продавца, Эрнест Рудольфович руководствовался в своем выборе исключительно предпринимательскими целями. Он понимал, что такой молодой человек как Макс, обладавший потрясающей природной красотой, которая была заключена в каждой черте его лица, сухого и жилистого тела, смуглом оттенке кожи и длинных черных волосах, способен увеличить продажи только за счет того, что люди

неосознанно будут ходить к нему в лавку, чтобы незаметно и тайно посмотреть на анфас и профиль продавца, имеющий отрешенный, печальный, но ужасно притягательный взгляд. Ожидания и расчеты Эрнеста Рудольфовича оправдались. После того, как Макс приступил к работе – объемы продаж несколько вырос, и владелец лавки связывал увеличение выручки со своим умным и оправданным нововведением, о чем не стеснялся хвастаться своим коллегам и приятелям, которые в свою очередь не посчитали затруднительным зайти в магазин «Эрнест» и посмотреть на красавца воочию.

С течением времени, когда Эрнесту Рудольфовичу удалось несколько ближе узнать Макса, который был по своей натуре человеком неразговорчивым и скрытым, он иногда начал брать своего работника на аукционы либо переговоры с людьми, вращающимися в области искусства, по поводу купли или продажи картин, скульптур, полотен и многих других вещей из области искусства. Владелец лавки рассчитывал, что Макс своей красотой сможет очаровывать акул этого бизнеса, и, тем самым, предоставить возможность заключить выгодную сделку. Однако Эрнест Рудольфович допустил ошибку в своих ожиданиях. Макс неохотно шел на контакт и бестолковую, переполненную лицемерной вежливостью болтовню со стареющими дамами, в чьих глаз читалась неприкрытое желание денежной наживы, и с седеющими мужчинами, которые говорили о вещах, которые для него были непонятными, странными и пошлыми. После нескольких попыток использовать Макса в качестве своего тайного орудия в коммерческом мире искусства, Эрнест Рудольфович отказался от этой мысли и оставил своего подчиненного в покое.

Максу пришлось оторваться от своих мыслей, в которых он обдумывал скрытую сущность и значение света, словно высекал его понятие из бесформенного мраморного монолита. Он перевел задумчивый взгляд голубых глаз на Эрнеста Рудольфовича.

– Люди отдают свои деньги за товар, а не за мои зубы. – Шутливо ответил Макс.

– Ошибаешься, друг мой, ты не представляешь, насколько ты ошибаешься. Тебе с твоей внешностью нужно идти в актеры, в театральную труппу или модели. Люди готовы обогатить тебя за твою красоту. Жаль, что ты этого не понимаешь и уже третий год торчишь в моей лавке. – Разоткровенничался Эрнест Рудольфович.

– Вы знаете, что мне это неинтересно. – Ответил Макс.

Эрнест Рудольфович пожал плечами, как он обычно делает, когда ему не хватает слов, чтобы выразить свои чувства. При этом у владельца лавки было предостаточно мыслей, которыми он мог бы поделиться со своим работником, но все они уже когда-то были высказаны ему в виде откровения и напутствия от старшего поколения младшему. Эрнест Рудольфович считал дурным тоном повторяться, поэтому тактично молчал. Макс в свою очередь внимательно выслушивал его, не перебивая, однако оставался верен своим непонятным и странным идеалам.

Со своей внешностью Макс смог бы добиться больших высот на любом поприще, где ценилась природная красота и эстетика, но он выбрал в своей жизни другой путь. Его характер и темперамент были настолько не сочетаемы с изящной внешностью, что знавшие его люди удивлялись, как человек обладая такими располагающими к общению чертами и вежливыми манерами, может быть настолько нелюдим и замкнут в своем собственном мире. Макс был одинок, поэтому у него было предостаточно времени, чтобы изучить себя, и в какой-то момент он понял, что не хочет ломать свою натуру; публичный мир, наполненный непрекращающимся движением и взаимодействием с людьми, был не для него. Таким образом, он нашел свой погост в художественной лавке, где мог зарабатывать неплохие для него деньги, которых хватало на аренду квартиры, находившейся на окраине города, и удовлетворения первоочередных потребностей. Макс вел – по современным меркам – аскетический образ жизни: он не позволял себе излишеств в пище, ограничиваясь скромным рационом из нескольких видов круп,

говядины и овощей, иногда позволял себе покупать сыр и красное вино; в одежде он также придерживался целомудрия и с равнодушием относился к культу потребления. Макс всегда ходил в светло-синих джинсах, однотонной футболке и кроссовках; исключение составляли переходные времена года и зима, когда он прибавлял к своему образу теплую куртку, шапку, перчатки и ботинки.

Большую часть заработанных денег Макс тратил на самое важное занятие в его жизни, которому он посвящал все свободное время. Его страстью была скульптура. Он занимался созданием портретов людей из мрамора и бетона, а также лепкой из глины. Макс создавал исключительно человеческие анфасы и профили. Форма лица для него являлось объектом вдохновения и созерцания, которым он мог восхищаться каждый день своей жизни. Человеческое лицо для Макса было высшим проявлением чуда на земле – откровением самого Бога; в лицах он наблюдал подлинную красоту и совершенство акта земного творения. Каждый свободный день Макс выходил после работы на многолюдные улицы города С., искал себе укромное место, чтобы скрыться от взора людей, и начинал наблюдать за перемещающимися лицами в пространстве, отыскивая в каждом что-то новое и неизвестное ему дотоле, будь то разрез женских глаз, овал лица, очертание губ, угол приподнятых тонких или широких бровей, длину ресниц или форму надбровных дуг. За несколько лет он выработал особое восприятие эстетики: он смотрел на лица как на структурную систему, состоящую из отдельных элементов, которые в своей неповторимой сумме создавали нечто завершенное и единственное в своем роде. Макс получал истинное наслаждение от своей способности воспринимать красоту человеческих лиц. Его пугали страшные, изуродованные, увечные люди: в них он видел нечто противоречащее, отталкивающее и пугающее, словно сама природа и жизнь поставила на них черную метку. Макс с большим трудом мог смотреть на обезображенные и некрасивые лица. Самым ужасным кошмаром для него были сны, в которых ему снились уроды или изувеченные люди, их несуразные, перекошенные черты и линии лиц, которые подобно калейдоскопу сменяли друг друга. Макс просыпался с громко бьющимся сердцем и ощущал, как холодный пот стекал по его гладкому лбу и мускулистой спине. Чтобы снова заснуть и обрести покой ему приходилось либо воссоздавать в памяти самые прекрасные лица, которые он когда-либо видел, либо же он уходил в свою мастерскую, которая располагалась в просторном зале его квартиры; он смотрел на красивые скульптуры и вылепленные им портреты, и постепенно к нему возвращалось утраченное спокойствие.

Макс обладал феноменальной памятью на лица: в его голове хранились тысячи прекрасных экземпляров, которые он когда-либо встречал в своей жизни. Он изобрел собственную эстетическую систему, чтобы упростить процесс поиска нужных ему овалов, очертаний, разрезов глаз, линий губ, положение и форму носа, ушей, высоту лба, остроту скул и округлость подбородка: все это каким-то необычайным образом складывалась в его сознании в единый и четко отработанный механизм. Также в этом механизме, помимо самих лиц, их форм и структуры, присутствовала топографическая составляющая: Макс часто подмечал особенности лиц в зависимости от их географического местонахождения. Он заметил, что на окраине города он чаще встречал среднюю типологию лиц, ближе к центру они обретали более изысканную и подчеркнутую выразительность; через окна дорогих ресторанов он видел красивые и ухоженные формы, в дешевых забегаловках – уставшие и понурые выражения, искаженные и отупевшие; в общедоступных местах он замечал как красоту, так и внешнее уродство. Иногда он позволял себе извлекать из своей памяти самые красивые экземпляры лиц; Макс испытывал глубокое удовольствие, представляя их в своем воображении. Впрочем, воображение не было способно передать каждую деталь лица, которую он желал увидеть и, как следствие, он не мог испытать те же чувства и эмоции, которые он получал при реальной встрече, поэтому Макс занялся созданием их копий – лепкой и скульптурой. Ему было необходимо материализовывать красоту, хранившуюся в его сознании. Каждое его творение было лицом наделенного природной

красотой человека, которого он когда-либо видел и сохранил в своей памяти. Сотворив очередное лицо, он мог часами смотреть на него, созерцая каждой детали, черте и линии, которую он скрупулезно высекал из бетона или лепил из мягкой глины. Макс растворялся в красоте; он терял человеческий и земной облик. Его сознание в такие моменты переносилось в известный только ему и никому больше мир.

Рабочий день подходил к концу. Макс неспешно собрал свои вещи, посчитал выручку в кассе, навел порядок в лавке и вышел на улицу. Была весна – лучшее из времен года; вечером погода в особенности была прекрасной с ее легким, прохладным ветром, спавшим зноем и наступающей свежестью. Макс неторопливо пошел в сторону парка. Он хотел посмотреть на лица прохожих, которые с радостью после продолжительной и холодной зимы выходили на улицу. В городском парке Макс увидел разных людей – людей, гуляющих, совершающих пробежки, играющих в мяч, бамбинтон или шахматы, катающихся на велосипеде, роликах или скейтборде, на влюбленных, равнодушных, мечтающих, ненавидящих, серьезных и хмурых, и все они были предметом его таинственного восхищения и созерцания. Макс испытывал счастье, когда находил укрытое от чужих глаз место и начинал растворяться в потоке лиц. Душа, сознание и разум переставали иметь значение в его органическом теле: они словно растворялись в необъятном мире, и он становился непричастным ко всему, что происходило вокруг: он принимал роль стороннего наблюдателя. Для Макса это были самые лучшие мгновения в его будничных и однообразных днях.

Проходя вдоль широких улицы, с двух сторон которых располагались пестрые магазины с броскими и фешенебельными витринами, Макс задавал себе вопрос, о котором ему часто случалось в последнее время думать: «Почему кто-то в большей степени, а кто-то в меньшей степени воспринимает общепринятую красоту за красоту субъективную? То есть, почему красота почти для всех одна и та же. Почему красивое лицо молодой девушки будет приятно для всех, а уродливое лицо старухи будет также одинаково неприятно? Что создало основу восприятия прекрасного, и почему она выражается в общепринятом понимании красоты, а не в противоположенном – уродстве?». На подобные вопросы Макс иногда мог ответить, иногда нет, но в те вечерние минуты, когда он прогуливался по вечерним улицам, он сказал себе: «В лицах заключена форма, которая определяет человеческую сущность, постоянно скрывающуюся от глаз: его душу, мысли, жизненный опыт его благодетель и грех. Если внимательно обратить к форме, то можно познать человека. И именно познание формы отражает то, что есть человек. Не что иное, как форма определяет основу нашего восприятия прекрасного».

Макс продолжал идти по сырому тротуару многолюдного парка. Он старался не смотреть в лица проходящих мимо него людей, чтобы не созерцать форму в спешке; ведь восприятие формы был для него особым процессом, к которому необходима подготовка. Макс торопливым шагом дошел до скамейки, располагавшейся в укромном месте, внутри высокого и пышного кустарника: там его никто не мог заметить и обнаружить, но он мог видеть всех. В течение следующего часа Макс был сконцентрирован и в наивысшей степени внимателен. Он наслаждался моментами счастья, которых с нетерпением ожидал с раннего утра. Иногда Макс отрывался от своего внимательного наблюдения и задумывался. Его мысли обладали склонностью к противоречивости: он не понимал, почему ему нравятся человеческие лица, но сами люди были ему чужды и неприятны. Он готов был смотреть на лицо красивой девушки часами, выделяя для себя ее самые прекрасные и стройные черты, но сама мысль о том, чтобы заговорить с ней пугала его и доставляла неприятное раздражение. Максу хватало восприятия формы, чтобы понять человека: все остальное казалось ему неважным и лишеным всякого смысла. Именно эту причину он находил единственным объяснением своего одиночества, и именно поэтому он не мог понять людей, от которых слышал, что одиночество – одно из самых ужасных несчастий в человеческой жизни. Макс смотрел в чернеющее небо, по которому плыли пушистые облака и думал: «От одиночества бегут все люди. В этом их человеческая данность. Они осознанно,

но чаще всего неосознанно стараются наполнить свою жизнь другими людьми, забывая, что, только оставшись с собой наедине, они получают возможность услышать самих себя. Если для большинства людей одиночество проявление патологии, то для меня одиночество – это метод исцеления и способ оставаться тем, кем я являюсь в действительности».

Мысли Макса постепенно теряли ясность. Они переплетались, становясь все более запутанными и бессвязными, и тогда он вновь переключал фокус внимания на форму проходящих прохожих. Одно из множества лиц привлекло его внимание. Макс сразу узнал ее: для этого потребовалась одно мгновение, одно легкое прикосновение взглядом к ее мягким чертам лица, один глубокий вдох и выдох, чтобы не поверить своему счастью. Он увидел Олесю, неторопливую, грациозную и изящную, вызывающую и свободную, с идеально сочетающимися чертами лица, которые для Макса означали эталон красоты: миндалевидный разрез глаз, которые она неизменно подчеркивала темными тенями, умеренная худоба, выражающихся в острых скулах и впалых щеках, на которых появлялись две ямочки, когда она улыбалась; высокий лоб, прямой, греческий нос и мягкие, выделенные алой помадой губы. Ее форма сразу напомнила ему о прошлом, которое волной обрушилось на его неподготовленное сознание: он вспомнил, когда впервые увидел Олесю и свое глубокое очарование ее красотой. Тогда он впервые почувствовал, что может полюбить человека. Он долго наблюдал за ней тем зимним и холодным днем и думал о любви, которая стремительно рождалась в его душе. Макс впервые пожелал получить от другого человека любовь, потому что он не мог познать ее, довольствуясь лишь формой. Того мучительного и прекрасного часа, в течение которого он впитывал в себя ее красоту, хватило, чтобы наполнить свою зияющую душевную пустоту блеклыми очертаниями любви. Но потом Олеся, именно так ее называл для себя Макс, за одно мгновение испарилась. Он не успел оторвать от нее свой жадный взор, как в место нее он увидел другое лицо. Макс искал ее; искал и тем днем и последующим и еще на протяжении нескольких месяцев. Вся его жизнь превратилась в поиск утраченной формы и в поиск потерянной любви. Макс страдал; он помнил каждое очертание ее лица, но не мог воссоздать ее форму материально в виде скульптуры. Он чувствовал себя беспомощным по отношению к ее совершенной форме, и ему не хватало мужества покуситься на дерзость – создать ее копию. Макс в долгих раздумьях часами просиживал в своей мастерской, в тщетных попытках воспроизвести настоящее творение, но он так и не притронулся к инструментам. Порой ему казалось, что он видел галлюцинацию, несуществующий образ – плод своего больного воображения, но не хотел в это верить. И лишь спустя несколько лет Макс встретил Олесю. Была ли их встреча Фатумом или случайностью, но Макс вновь столкнулся с очарованием совершенной формы. Ее красота за это время обрела еще большую выразительность и изящность, но ничего кроме восхищения Макс не почувствовал. Он вновь увидел в Олесе совершенство, но того пронзительного удара любви, которое он испытал два года назад тем зимним днем, не было: она стала для него копией будущего образа, очередным экспонатом, который он запечатлеет в памяти и позже воссоздаст ее скульптуру.

К позднему вечеру, когда парк начал пустеть, Макс решил, что пора возвращаться домой. Он угрюмо шел по темным улицам и думал о недавней встрече с Олесей; думал о том, как будет скрупулезно создавать ее портрет сначала из глины, потом из бетона, а затем из мрамора; думал о том, как он сохранит каждую деталь ее лица в первоизданном виде; думал о том, как плод сильнейшего вдохновения станет венцом его творчества, и как он воплотит в ней свою новую идею придания скульптуре цветовой гаммы. Макс был задумчив и угрюм, но все-таки счастлив: он думал о многом, но ни разу в его голове не прозвучал вопрос о той любви, которую он когда-то потерял и так долго пытался найти. Он столкнулся с ней спустя годы, но не смог почувствовать ничего кроме восхищения ее совершенной формой.

Становилось прохладно. Квартира Макса находилась на окраине города, куда маршрутные такси курсировали довольно редко. Он простоял на остановке около двадцати минут, чувствуя озноб и легкую дрожь по всему телу, прежде чем перед ним остановилась пустая маршрут-

рутка. Водитель раздраженно сказал Максиму садиться на переднее место, когда тот попытался открыть дверь в салон.

– Больше не буду нигде останавливаться. Надоело. – Резко и сухо пробубнил средних лет мужчина, когда Макс сел рядом с ним.

По привычке Макс сразу всмотрелся в черты лица водителя. Оно было уставшим, изнуренным, осунувшимся и от этого казалось злым, но в то же время наполненным печалью, которую Макс видел во многих лицах в городе С.. Взъерошенные волосы, покрасневшие глаза, слегка опущенные веки и напряженные скулы говорили Максиму о многом на счет его тусклой и серой жизни.

– Что смотришь? – Грубо сказал мужчина своему единственному пассажиру, заметив на себя его пристальный взгляд.

Макс извинился и отвернулся к окну. За окном было темно и холодно; отдаляясь от центра города, реже встречались прохожие, но все больше попадались вереницы многоэтажных домов, освещенные окна которых завещали о кипящих в них человеческих жизнях. Макс думал о том, как живут в своих квартирах люди, чем они занимаются и что делают перед сном: в его памяти неожиданно воскресло давнее воспоминание из раннего детства. В нем он видел свою мать, высокую и красивую женщину, которая подходила к его детской кроватке и аккуратно, даже робко присаживалась рядом. Она сначала долго смотрела на него своими большими и карими глазами, в которых он видел глубокую печаль и несчастье, а потом начинала негромко, почти шепотом, петь детскую колыбель. Ее голос Макс никогда не сможет забыть – этот родной и чистый голос матери, который постоянно покидал его, превращаясь в бледный отпечаток прошлого. Последний раз он видел ее в детстве. И все, что осталось в его жизни от матери – это звучание ее грудного, мягкого сопрано, которым она шептала ему песню. Как бы Макс не старался вспомнить ее очертаний лица – он не мог, но точно помнил об ее необычайной красоте. Одно время Макс предпринимал попытки отыскать ее фотографии или какое-либо упоминание об ее жизни, но ничего не находил. Его мать не оставила после себя ни одного следа в этом мире, который мог бы напомнить ее сыну о том, что она когда-то существовала на этой земле, дышала тем же воздухом и пела ему колыбель перед сном. Макс часто вспоминал о своей матери и каждый раз чувствовал грусть от утраты.

– Убери портфель на пол: мешает смотреть в зеркало заднего вида. – Пробубнил водитель.

– Я не могу. – Ответил Макс. – Пол сырой и грязный.

– Какой чистюля. – Съязвил водитель, но заметно смягчился. – Что же ты набрал в свой ранец, что он почти половину салона занимает?

– Там много новых красок, кистей, материала для лепки и бутылка ацетона. – Смущенно ответил Макс.

– Зачем все это тебе? – Удивился водитель.

– Я занимаюсь лепкой скульптур. Мне нравятся человеческие лица. И ваше лицо меня сразу привлекло, поэтому я так долго смотрел на вас, когда сел в маршрутку.

– А что с моим лицом не так?

– Ваше лицо оно... в нем я вижу печаль и злость, и смирение, и доброту, которая скрыта за постоянной усталостью. Оно прекрасно.

– Ну, ты даешь! – Водитель издал нервный смешок и неосознанно ощупал рукой большой нос и впалые щеки. – Как описал меня... Мое лицо, раз на то пошло, самое обычное лицо: таких тысячи – куда не глянь. Все усталые, злые, грустные, но в то же время в каждом лице есть доброта. Знаешь, говорят, что мы добрые тогда, когда не злые. И, главное, в нас есть смирение – это ты верно подметил: кроме этого ничего не остается. Наверное, единственное, что отличает нас от других, так это покорность судьбе.

– Никогда не замечал в лицах покорность судьбе. Смирение – видно сразу, оно проявляется в отрешенном взгляде и равнодушии; кажется, что человека уже ничем не удивить; он, словно заведомо знает, что ко всему, даже самому удивительному и необычному, будет относиться как к данности и само собой разумеющемуся... – Озадаченно ответил Макс.

– Эх, ну ты загнул! А все-таки ты еще жизни не видел. Говорить о красоте ты умеешь, а знать ничего не знаешь о людях.

– Возможно, так и есть. – Сказал Макс.

– Но ничего; жизнь с тебя свое возьмет. Рано или поздно, придется начать разбираться в людях. И скажу одно: человеческая внешность обманчива, нельзя верить своим глазам – в них много от лукового, как говорит мой приятель.

Макс ничего не ответил. Ехали с минуту в молчании. Водитель закурил.

– Ты сказал, – начал водитель, – что ты лепкой занимаешься и все такое. А зачем тебе ацетон? Пьешь что ли? – Ухмыльнулся он.

– Нет. Мне он нужен, чтобы была возможность исправить помарки и недочеты, которые я, скорее всего, буду совершать при работе с цветом. Я никогда раньше не брал в руки кисти. Будет много технических ошибок. Не знаю, что из этого получится.

– Теперь понятно. Серьезно подходишь к делу.

– Это дело всей моей жизни. – Ответил Макс.

– Много получается зарабатывать?

– Нисколько. Я не выставляю свои работы. Это личное.

– Вот те на! Как так? – Воскликнул водитель и ударил рукой по рулю.

В этом момент с противоположенной стороны перекрестка легковая машина, игнорируя красный свет светофора, с большой скоростью пролетела прямо перед маршруткой на другую часть дороги и продолжила движение, петляя и выравнивая свою траекторию. Водитель такси не ожидал, что на него выскочит машина и инстинктивно выкрутил руль сначала вправо, потом влево, избегая столкновения, от чего газель накренилась, и, не удержав сцепление с дорогой, несколько раз перевернулась.

К маршрутному такси сразу подбежали вовремя оказавшиеся рядом люди, которых не должно было быть рядом в такое время и в таком месте, но они были и только потому, что их компании не хватило выпивки на вечер, а продавали алкоголь только в одной палатке в этом районе. Одни вытащили растерянного водителя, из головы которого сочилась бордовая кровь и его растерянные глаза метались от одного лица к другому, словно спрашивая, что произошло; оставшиеся – подлетели к другому пассажиру. С Максом все было намного плачевнее. В то время, когда машина потеряла равновесие, его портфель ударился о потолок и находившаяся внутри стеклянная бутылка ацетона разбилась. И, быть может, все бы обошлось, если бы Макс перед самой аварией не открыл портфель, чтобы достать ключи от квартиры. Поэтому содержимое бутылки не впиталось в водостойкую ткань портфеля, а мгновенно окропило все его лицо и грудь, и даже в этом случае все могло бы оказаться благополучно, если бы не наполовину выкуренная сигарета водителя маршрутного такси, искра которой подожгла гремучую смесь.

Лицо Макса вспыхнуло моментально. Он с истошным воплем вылетел из салона; его тело извивалось от боли, и языки пламени начали расплзаться, как змеи, по всему телу. Остается загадкой, что произошло бы дальше, если бы у одного мужчины из этой компании не нашлось под рукой пятилитровой баклажки с водой, которую он достал из машины, чтобы утолить утреннюю жажду, которая была неизбежностью после пьяного застолья. В течение нескольких десятков секунд огонь был потушен. Макс корчился от боли, лежа на земле; на его обожженное, обезображенное и изуродованное пламенем лицо и тело с отвращением смотрели собравшиеся люди.

Стояла ночь. Тишину крохотной больничной палаты нарушало монотонное звучание датчика сердечного ритма. В единственном окне можно было увидеть чернеющее небо, усыпанное мелкими горстями ярко-желтых звезд и полную луну. Макс лежал на кровати; к его телу тянулись разноцветные провода и одна тонкая, матово-белая трубка. Слева от него стоял цветной монитор, на котором была изображена корявая кардиограмма и большими цифрами – значение пульса; справа – капельница, наполненная прозрачной жидкостью. Его лицо и грудь были плотно забинтованы: оставались нетронутыми прорези для глаз и рта. Макс был без сознания около суток, прежде чем очнулся. После аварии он был срочно госпитализирован в больницу. Огонь сжег кожу на его лице, шеи и части грудной клетки. Врачи на протяжении нескольких часов скрупулезно работали, склонившись над телом больного, чтобы облегчить испытываемую им боль и сохранить как можно больше эпидермиса на пораженных участках. После операции лицо Макса представляло собой ужасающее зрелище: обугленные и свисающие куски кожи, сожженные брови и ресницы, пузырящиеся и наполненные жидкостью волдыри, обожженные контуры губ и обуглившиеся длинные волосы. От его прежней красоты осталось воспоминание; красота сменилась пожизненным уродством – неизбежностью, Фатумом, суммой неконтролируемых случайностей или же воплощением в жизнь его ночных кошмаров. Макс в некоторой степени повезло, но повезло лишь в том, что огонь необычайным образом не задел роговицу и слизистую оболочку глаз, поэтому у него оставалась высокая вероятность сохранить зрение.

Он очнулся глубокой ночью. В палате раздался его протяженный и хриплый стон. Макс резко поднялся с кровати и оторвал провода от своего тела. Он смотрел в темноту и не мог понять, что с ним произошло; он чувствовал страх и приступ неконтролируемой паники. Вскочив на ноги и сделав несколько стремительных шагов к окну, в котором рябило расплывшееся свечение, к которому он неосознанно потянулся как мотылек, Макс опрокинул и разбил капельницу. Дежурный врач сразу же прибежала в палату на шум и поставила ему укол снотворного. Макс вновь провалился в глубокий сон.

Прошли еще сутки. Макс находился в бессознательном состоянии, которое иногда прояснялось, и в эти моменты он по крупицам восстанавливал фатальные события недавнего прошлого. Он вспомнил дождливый вечер, вереницы многоэтажных домов, воспоминания о своей матери, усталое лицо водителя маршрутного такси и их непродолжительный диалог, но потом воспоминания блекли, и оставалось только ощущение внезапного приступа боли. Макс не догадывался, что несколько дней назад его окутывали языки пламени, которые едва не сожгли его дотла, если бы не чудом подоспевшие на помощь люди.

Первый его вопрос, который он задал медсестре, назначенной его лечащим врачом, заставил Макса приложить немалые усилия и проявить мужество, чтобы выдавить из себя несколько тихих и хриплых слов.

– Что произошло? Почему мое лицо перебинтовано, и отчего оно так сильно болит?

Медсестра посмотрела в глаза больному, будто принимая решение, и ответила после короткой паузы:

– Меня зовут Арина, и я ваш лечащий врач. Максим, три дня назад вы попали в автомобильную аварию. В то время, когда машина переворачивалась, на ваше лицо попало спиртосодержащее средство. Достаточно было одной искры, чтобы зажечь пламя. От огня пострадало ваше лицо и часть грудной клетки. Врачи сделали все, что было в их силах – Ответила она.

Макс видел перед собой прекрасную женщину. Ее профиль еще сохранял в себе очертания детской и наивной формы, но уже превращалось в лицо красивой и волевой женщины. Голубые, прищуренные глаза Арины смотрели прямо в глаза Макса; она не посмела отвернуться в смущении и неосознанно принимала брошенный ей вызов. В молчании прошло около минуты.

– Максим, вы меня понимаете? – Спросила Арина, заметив отрешенный взгляд Макса.

– Повторите еще раз... я прослушал. – Выдавил из себя он, постаравшись отвлечься от внешности медсестры и переключиться на смысл ее слов.

Арина снова рассказала больному о событиях, случившееся несколько дней назад. В течение нескольких минут Макс старался осознать услышанное, но не мог поверить в произошедшую с ним трагедию. Он медленно притронулся руками забинтованного лица, и с этим легким касанием вернулась боль – пронизывающая, тупая, жгучая и безжалостная боль, распространившаяся от обожженных губ по всему телу.

– Дайте мне зеркало. – Попросил Макс медсестру.

– Я думаю, что это будет лишним. Когда окрепнете и придете в себе, тогда и посмотритесь в зеркало. – Уклончиво ответила Арина, понимая, как может травмировать Макса собственное зеркальное отражение.

– Вы не в состоянии представить, насколько важно мне сейчас увидеть себя. Если вы не найдете мне зеркало сейчас, то это сделаю я, когда вы уйдете. – Голос Макса был тверд и решителен.

Арина работала врачом в городской больнице на протяжении нескольких лет после окончания медицинского института и ординатуры. Будучи доброй по натуре, ей пришлось научиться говорить «нет» и отказывать требовательным больным в их просьбах, которые зачастую являлись для них вредными и губительными. Умение отказывать было для нее особым видом искусства; отказывать нужно было таким образом, чтобы больные не успели обидеться на нее и могли сохранить по отношению к ней такую хрупкую материю как доверие, которое в наивысшей степени важно по время лечения. Арина была фанатиком своей работы и относилась к возложенным на нее обязанностям с высокой степенью ответственности. Помогать людям и возвращать им здоровое состояние тела и духа либо же облегчать их участь – было для нее главной целью в работе, которой она строго придерживалась. Что могло быть лучше, чем наблюдать, как к человеку возвращаются жизненные силы после долгого времени борьбы с изъятиями тела? Или тех слов благодарностей, которые он говорил в ее адрес, когда стоял здоровый и бодрый с сумкой в палате, готовясь вернуть домой? Арина знала свою работу и понимала, что Макс не может в его состоянии смотреть на свое изуродованное лицо. Она отдавала себе отчет, что необходимо время и психологическая подготовка, прежде чем он столкнется с ужасной реальностью и осознанием неизбежного пожизненного уродства. «Если человек падает духом и опускает руки, то помощь врача сводится к минимуму» – она вспомнила слова своего наставника, которые прозвучали в ее голове как назидание. Но пронзительный взгляд Макса, в котором читалась мольба и искренность в изложенной им просьбе, побудили Арину пренебречь правилами и выработанными за годы практиками принципами. Она интуитивно понимала, что должна именно сейчас помочь открыть ему правду, которая была для него важнее, чем моральное и психическое здоровье.

Арина, ничего не говоря, вышла из палаты. Через считанные минуты она принесла ему зеркало и еще раз спросила о том, уверен ли он в своем решении. Макс без раздумий ответил, что уверен и попросил лечащего врача оставить его одного.

– Аккуратнее снимайте повязку, она могла приклеиться к пораженным участкам; потом крикните меня, и я сделаю новую.

– Хорошо. – Ответил Макс.

Несколько мгновений он посидел в нерешительности, чувствуя усиливающееся волнение и громкое биение сердца. «Рано или поздно приходится сталкиваться лицом к лицу со своими страхами» – подумал он и начал разбинтовывать повязку. Как и предупреждал врач, бинты в некоторых местах склеились с обгоревшей поверхностью лица, и Макс приходилось резкими движениями отрывать повязку от загноившихся и пузырящихся ран. Он чувствовал сильнейшую боль и не мог остановить поток слез, хлынувших из его глаз, но продолжал со злостью

разбинтовывать пропитанную кровью, лимфой и гноем ткань. Спустя минут пять процесс был закончен, и Макс, взяв в руки зеркало, ощутил сомнение. «Может, пока не поздно отказаться? Для чего мне нужна правда? Стоит ли она того, чтобы смириться и жить с ней дальше? Неужели и мне придется покориться судьбе?».

Макс выдохнул и поднял небольшое овальное зеркало на уровень глаз. В отражении на него смотрел урод, изувеченный монстр, бесформенное существо с красно-черным и желто-белым оттенком плоти, с висящими кусками кожи, обгоревшими волосами, надутыми и наполненные белой жидкостью волдырями и стекающей лимфой; лицо теряло определенные контуры и очертания, и оно было похоже на нечто однородное, размытое, потерявшее какую бы то ни было индивидуальную красоту, но обретя индивидуальное безобразие.

Макс уронил зеркало на белую простыню. То чем он дорожил, что любил и почитал в других людях и себе самом, сменилось ночным кошмаром.

«С таким лицом я не смогу больше оставаться незамеченным для других людей. Я ненормален, я аморален с эстетической точки зрения. Что мне теперь делать? Что теперь для меня красота? Я видел красоту в людях и наслаждался красотой в себе, а что теперь мне осталось: урод в отражении и пожизненное затворничество? Разве много я просил от жизни, разве много требовал от судьбы? Я довольствовался малым и всегда был скромнен. Неужели этого недостаточно, чтобы оставить для меня в жизни мое призвание и мою страсть. Ничего мне не нужно кроме ясности восприятия форм и возможности быть среди людей нормальным. Все изменилось, и что мне теперь делать? Как мне жить дальше...» – думал Макс и плакал. Соленые слезы стекали по его лицу и доставляли ему боль, но он не обращал на нее внимание. Макс чувствовал отвращение к своей ничтожной жизни, к своей внешности и ко всему миру. Ему хотелось забыться и ни о чем не думать, ему хотелось перестать существовать и избежать последующих месяцев, годов или даже десятилетий мучений, с которыми ему придется столкнуться в жизни. Его пугало будущее. Он не желал быть ни смиренным, ни покорным судьбе: все, что ему хотелось – провалиться в глубокую пучину забвения.

В палату зашла Арина и застала Макса, неподвижно сидящего на кровати с опущенной головой. Она подошла к нему и обняла. Арина чувствовала пульсирующее, живое сердце и его судорожные вздохи; она чувствовала его боль и понимала его одиночество и обреченность.

– Могу я вас попросить больше никогда не давать мне зеркало. – Сказал Макс и отвернулся от нее, чтобы она не видела его лица.

– Да, конечно. – Прозвучал мягкий голос в ответ. – Но вам все же придется посмотреть на меня, потому что мне нужно наложить вам новую повязку.

– Прежде чем я повернусь к вам, можно задать один вопрос? – Спросил Макс.

– Да.

– Неужели единственный выход – это смирение?

– Максим, – ласково сказала Арина, – за свои несколько лет работы мне приходилось сталкиваться с множеством несчастий. Я видела смерти, видела людей, обреченных на пожизненную инвалидность, видела страдание в глазах тех, кто их любит, видела слезы и горе родителей. Если и есть выход, то оно заключается в смирении.

Макс ничего не смог ответить; он подумал, что, видимо, она права. Он нерешительно повернулся к Арине, не смея смотреть в ее голубые глаза. Она улыбнулась ему и сказала: «Максим, будь смелее. Не сочти за банальность, но внешность не самое главное в человеческой жизни. Понимаю, что для тебя это трагедия, но ты в трезвом уме, можешь ходить и заниматься все тем, что тебе раньше нравилось».

«Арина, вы даже не представляете, насколько сильно ошибаетесь...» – подумал Макс и поднял на нее взгляд.

На четвертый день после аварии навестить Макса пришел Эрнест Рудольфович. Он был одет в белую рубашку и бежевый костюм, который прекрасно сочетался с его щеголеватой манерой поведения. В руке он держал букет полевых цветов, а в другой – конфеты и кулек фруктов. Эрнест Рудольфович был в приподнятом настроении и бодр: поднявшись на пятый этаж, на котором располагалась палата Макса, он не упустил случая тактично пофлиртовать с медсестрами и узнать много нового из рабочих будней медицинского персонала. Эрнест Рудольфович узнал о случившейся трагедии два дня назад, когда всерьез забеспокоился на счет трехдневного пропуска работы его единственного продавца. Во вторник ему позвонили из больницы и сказали: «Ваш работник, Максим Сергеевич, попал в аварию. В связи с этим он не может выходить на работу. Вы можете навестить его не раньше чем в среду». Он хотел было подробнее расспросить о деталях аварии, но услышал на другом конце трубки длинные гудки. Эрнест Рудольфович рассуждал так: если бы было нечто серьезное, то он бы однозначно об этом узнал из других источников, и ему бы сразу сообщили об этом, а не на четвертый день. Поэтому он сделал вывод, что авария была пустяковая. В назначенное время Эрнест Рудольфович пришел в больницу с искренними намерениями приободрить Макса и пожелать ему скорейшего выздоровления. За последние годы он сильно привязался к этому красивому и нелюдимому юноше, поэтому чувствовал потребность оказать ему помощь и проявить заботу. Когда к пожилому владельцу художественной лавки «Эрнест» подошла лечащий врач Макса, то Эрнест Рудольфович заметно оживился от начинавшего надоедать ему разговора с медсестрами. Он поприветствовал Арину, проявив свойственную ему скромную элегантность.

– Говорят, что красота спасет мир. Встретив вас, я понимаю, что мне не стоит беспокоиться за Максима. Тем более он по-настоящему умеет ценить красоту и замечать ее в людях.

– Благодарю. – Сказала Арина. – Но, боюсь, что все не так просто, как вы себе представляете.

– В чем же дело? Я планирую провести с ним продолжительную беседу и обменяться взаимными любезностями, а также подарить цветы и фрукты. – Сказал Эрнест Рудольфович.

– Макс во время аварии получил сильные ожоги в области лица, и он испытывает глубокое смущение при общении с людьми. Понимаете, он потерял свое прежнее лицо. Приходите через дня три, когда он будет готов к тому, чтобы открыть свою новую внешность знакомому человеку. – Ответила Арина.

– О, Господи! – Вскрикнул Эрнест Рудольфович. – Какой ужас! Почему мне не сообщили раньше? Бедный Макс... он ведь мне как сын...

– Я понимаю ваше беспокойство, но Макс никого не хочет видеть. Ему нужно время, чтобы смириться со своим положением. Ему сейчас непросто, но, надеюсь, что он справится.

Эрнест Рудольфович искренне сожалел об участи Макса. Покраснев от волнения, он в деталях расспросил лечащего врача о событиях, произошедших четыре дня назад, и задал множество вопросов по поводу его будущего.

– Ох, – вздохнул Эрнест Рудольфович, – это такая для него трагедия. Ведь его страсть – это человеческие лица с их красотой и изяществом. Он, наверное, только об этом может говорить без смущения и интересом.

– Я знаю. Он мне рассказывал о себе. Также Макс сказал, что на протяжении многих лет занимается скульптурой. Он лепит профили, анфасы и бюсты, а также, насколько я поняла, он высекает их из бетона и мрамора.

– Удивительно, что он вам рассказал об этом; не в его правилах говорить с чужими людьми. Видимо, вы необычная женщина, раз это произошло; определенно в вас есть что-то удивительное. – Эрнест Рудольфович помолчал и задумчиво посмотрел себе под ноги. – Говорите, что он занимается скульптурой? Это очень интересно. – Резко сказал он. – Я бы сказал, что это восхитительно. Могу я вас попросить кое о чем?

– Да. – Ответила Арина.

– Я бы хотел, чтобы вы как можно больше узнали о пристрастии Макса к скульптуре. Не буду от вас скрывать: я аукционер и занимаюсь продажей объектов искусства уже много лет. То, что делает Макс, может оказаться любопытным. Мы можем даже не подозревать, насколько он талантлив. Мне необходимо увидеть его творения.

– Я бы вам помогла, но он попросил больше не говорить с ним о его творчестве. Макс сильно переживает по поводу произошедшего с ним несчастья, но многое остается для меня тайной.

– Да, конечно, я понимаю. Макс загадочная личность. В таком случае лучше не говорите с ним об этом. Он может заподозрить мое любопытство. Макс хоть и молчун, но вовсе не дурак.

– Я вас поняла. Оставьте свой номер телефона. Я вам позвоню, когда Макс будет готов с вами встретиться.

Через три дня Арина позвонила Эрнесту Рудольфовичу и сказала, что он может приехать и навестить Макса. Их короткая встреча прошла в теплой и дружеской беседе, не смотря на то, что от владельца лавки «Эрнест» не скрылась глубокая печаль и раздражительность своего работника, которую тот старался неумело скрыть за свойственным ему молчанием. Визит Эрнеста Рудольфовича никак не сказался на душевном состоянии Макса: по его просьбе, Арина купила маску, за которой он мог скрывать свое обезображенное лицо от других людей. Маска была самой обычной, и, если быть точнее, маска ничего выражала, она была безликой: на ее гладкой поверхности, покрытой белым глянцем, было очертание ровного носа, контур губ и два разреза для глаз. Макс чувствовал себя в безопасности, скрываясь от взгляда Эрнеста Рудольфовича за маской. В какой-то момент беседы ему показалось, что с ним ничего не происходило, и он разговаривает со своим посетителем, как и прежде, но по любопытствующим глазам Эрнеста Рудольфовича он читал неприкрытое желание увидеть его изуродованную внешность. Макс не мог догадываться, что ошибается: взгляд Эрнеста Рудольфовича был заискивающим только потому, что ему не терпелось узнать о творчестве своего работника, которое он всеми силами старался в себе подавить. Маска, которую тот видел перед собой, не меняла его отношения к Макс: он оставался тем же красивым и загадочным юношей, склонным к одиночеству и аскетическому молчанию. В конце разговора Эрнест Рудольфович почувствовал переменившееся настроение Макса, понял, что нужно заканчивать беседу. На прощание, на минуту остановившись в дверях, он сказал: «Ты должен знать следующее: во-первых, я возьму тебя на работу в любом случае: будешь ты в маске или без нее. Во-вторых, я беру на себя всю бумажную волокиту, связанную с получением социальных льгот и государственных выплат. Они тебе ни в коем случае не помешают. И, в-третьих, если тебе что-то понадобится, то всегда можешь на меня положиться». Макс сухо поблагодарил Эрнеста Рудольфовича и отвернулся к окну.

3

День за днем Макс восстанавливался после аварии. На вторую неделю набравшись мужества, он вышел в просторный коридор больницы, а через день и на солнечную весеннюю улицу, чтобы подышать свежим воздухом и посмотреть на людей. Он всегда надевал маску, которая была для него защитой от внешнего мира, и, пряча за ней изуродованное лицо, он ощущал себя в безопасности. Было легче переносить взгляды людей, обращенные на безликую маску, нежели чем на его обезображенный профиль. Привычка Макса, которая вырабатывалась в течение многих лет – смотреть на человеческие лица, не оставляла его в покое и настоятельно требовала, чтобы он выходил к людям и удовлетворял свою внутреннюю потребность в созерцании линий и форм. В первые дни у Макса получалось достигать привычного состояния отрешенности от окружающего мира и полной концентрации на человеческой природе и красоте, но спустя еще две недели с ним начали происходить странные изменения. Ему все меньше и меньше

хотелось выходить на улицу и смотреть на проходящих мимо людей, потому что где-то глубоко внутри он чувствовал смутное и еще не сформировавшееся отторжение к человеческой внешности. К своему удивлению Макс начал понимать, что и Арина, которой он украдкой и незаметно наслаждался на протяжении всего времени проведенных им в больнице, становилась для него не такой красивой: черты ее лица были уже не такими плавными, как раньше, нос и губы не такими притягательными, разрез и цвет глаз начали вызывать в нем эстетическое отвращение. Макс так и не смог разобраться в природе произошедших изменений с Ариной. На шестую неделю его выписали из больницы, после чего он отправился в свою небольшую квартиру, расположенную на окраине города С.. На прощание Арина ласково обняла Макса так же, как и в тот день, когда он впервые увидел в зеркальном отражении свое изувеченное и уродливое лицо, и сказала: «Судьба покорного ведет, а непокорного тащит. Помни об этом и постарайся быть счастливым». В течение своей продолжительной жизни он с ней больше так и не увиделся.

Прошел еще один непростой для Макса месяц, который он провел в стенах своей квартиры. Он также как и прежде довольствовался скудным питанием и вел аскетический образ жизни. В своей обители он произвел некоторые перемены: Макс избавился от всех зеркал в доме и занавесил плотной тканью всякое отражающую поверхность, создав безопасное место существования, в котором он не видел собственного изуродованного лица. На улицу Макс выходил только по ночам с единственной целью купить еды, воды и бытовых принадлежностей первой необходимости; когда он выходил за пределы квартиры, то прикрывал лицо безликой маской. Маска хоть и защищала Макса от других людей, но так и не смогла обрести над ним власть и стать его новой формой. Он презирал и ненавидел ее и в душе проклинал минуту, когда ему пришла в голову идея надеть эту маску: у него не получалось примириться с тем, что его красота превратилась в уродство, которое он маскировал ничего не выражающим глянцевым ликом. Он хотел оставаться тем, кто он есть на самом деле и ничего не скрывать от внешнего мира; Макс не мог думать по-другому, потому что для него только форма определяла содержание.

Макс долгими часами просиживал в мастерской, смотря на вылепленные и высеченные им скульптуры красивых лиц, и предавался многочисленным размышлениям, которые день за днем подтачивали и изменяли его. Он не подозревал, что вскоре каждая его мысль, каждый вывод и суждение, станут его новой реальностью и новым взглядом на мир.

Это случилось в самом начале жаркого и знойного лета. Макс как обычно находился в своей мастерской среди длинных полок и стендов, уставленных разного рода красивыми скульптурами. Каждый раз, когда он оказывался один на один с созданной им формой, он обрекал себя на страдание. В изящно и искусно сотворенных лицах Макс по-прежнему видел подлинную красоту, которая мучила его и терзала искалеченную душу. Он чувствовал, что после аварии потерял нечто важное, нечто, что всегда наполняло его существование осмысленностью и способностью видеть в мире божественное совершенство; нечто, делавшее его счастливым. День за днем, проводя в обществе безмолвных копий человеческих лиц, он опустошался и проникался равнодушием ко всему, что было для него важным: «Неужели я становлюсь таким же, как и моя маска? – Спрашивал он себя. – Неужели я утратил способность чувствовать любовь к красоте и ненависть к уродству? Неужели я превращаюсь в человека, который потерял свою форму, то есть стал безликим?». Признать истинность прозвучавших в голове слов, означало – покориться судьбе, которая сделала все, чтобы обескровить душу Макса, но он не хотел смириться с Фатумом и не желал принимать, как данность, статус жертвы. Он не представлял, как будет жить дальше, если примет решение больше не заниматься творчеством, но внутри него, какой-то гнусный паразит, подтачивал его, призывая отречься от искусства и обрести смирение. Макс не мог позволить себе предательство по отношению к собственной мечте; он знал, что не посмеет отречься от своей религии и будет до конца дней поклоняться красоте; он знал,

что борьба за эталон совершенства может дорого ему обойтись, но он готов был пойти на все, чтобы вернуть утраченную способность чувствовать и прикасаться к лику прекрасного.

Все изменилось в тот летний день. Макс внимательно смотрел на скульптуры и ни о чем не думал; он только чувствовал глубокое отвращение и презрение к созданной им красоте; каждая ровная линия, плавные переходы, симметричные очертания лица, изящно оформленные разрезы глаз и гармонирующие с ними надбровные дуги, положение губ и острых скул – все, что он видел и создавал, превратилось для него в подлинное уродство. Макс не мог оставаться равнодушным к новоявленному безобразию формы, он проникся ненавистью к каждому своему творению, и единственное, что он хотел, так это восстановить справедливость и воссоздать истинную форму красоты. Он неожиданно вспомнил о прекрасной Олесе и воскресил в памяти те несколько коротких мгновений, в течение которых он наслаждался ее красотой; он вспомнил и о том, как перед аварией предавался мечтам, что вылепит и высечет ее лицо – тот самый совершенный эталон красоты – из глины, мрамора и бетона. Воспоминание доставило ему страдание и побудило в нем холоднокровное чувство злобы. Макс решительно взял с полки рабочие инструменты и с энтузиазмом, граничащим с помешательством и одержимостью, начал исправлять уродство скульптур.

Спустя несколько дней к Максиму пришел Эрнест Рудольфович. Он имел обыкновение приходить к своему визави раз в неделю, преимущественно по выходным, чтобы справиться о его здоровье и незаметно оставить в прихожей на серванте немного денег на первоочередные расходы. В последние две недели Эрнест Рудольфович потратил много времени на бюрократические процедуры с продолжительными очередями и хождениям от кабинета к кабинету, чтобы выбить для Макса положенные ему льготы и выплаты в связи с инвалидностью. Самым сложным оказалось оформление документов без подписи обращающегося лица, но Эрнест Рудольфович смог найти общий язык с неразговорчивыми чиновниками и договорился о том, что его визави поставит свою подпись задним числом. Макс был совершенно не приспособлен к практической части жизни, и если бы не Эрнест Рудольфович, то оставалось бы загадкой, как бы он смог обеспечивать свое существование. Каждый визит продолжался недолго; они садились за стол в небольшой кухне и неторопливо пили чай. Макс всегда надевал маску при общении с Эрнестом Рудольфовичем, поэтому ощущал себя комфортно и мог без стеснения и смущения поддерживать диалог. Эти короткие беседы доставляли Максиму искреннее наслаждение, после которых к нему ненадолго возвращались внутренние силы, но которые пропадали в тот момент, когда он заходил в мастерскую и смотрел на скульптуры. У него получалось на короткие мгновения забывать преследующие его мысли, ставшие навязчивыми идеями об утрате подлинной красоты, об отсутствии смысла жизни, о собственной ничтожности и опустошенности; но каждый раз Макс с остервенением и злостью напоминал себе о них и предавался самобичеванию.

Эрнест Рудольфович позвонил в дверь; через несколько мгновений Макс поприветствовал своего друга. Вместо обычного громкоголового и продолжительного ответа на сухое «здравствуйте» Макса, которое он произносил, слегка откашливаясь, как бы проверяя свой голос, он увидел озадаченное и удивленное лицо. Эрнест Рудольфович застал в проходе и не мог отвести от Макса своего взгляда, потому что впервые увидел его без маски.

– Ужасное зрелище, да? – Шутливо спросил Макс.

Эрнест Рудольфович ступил за порог и молча начал раздеваться.

– Я старался всегда тебе не врать. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, поэтому не хочу тебя обманывать: да, твое лицо ужасно. Неужели огонь мог сотворить с тобой такое... какая фатальность, какое роковое стечение обстоятельств ...

– Я благодарен вам за честность, но не скидывайте все беды на судьбу и рок: многое в жизни не поддается никакому объяснению.

– Как же ты тогда объяснишь, почему именно с тобой, с человеком, который восхищается и понимает красоту, как никто другой, произошла такая злосчастная авария? Разве тебе не кажется, что это насмешка судьбы, ее забавная игра, в которой она от скуки меняет фигуры, как ей вздумается? – Спросил Эрнест Рудольфович.

– Все в этой жизни случайно. Нет ни судьбы, ни рока, ни тайного предназначения, ни всемогущего Бога: существует только случайность и вероятность ее наступления. Абсолютно все подчинено этим двум колесницам, которые тащат наше человечество. Все остальное – это выдумки ограниченного человека.

– По-моему, твоя мысль опрометчива и сказана не иначе, как из-за твоего плохого настроения. – Парировал Эрнест Рудольфович.

– У меня больше нет плохого настроения. Я наконец-то вернул себе то, что потерял после аварии.

Эрнест Рудольфович взглянул на лицо Макса и вновь почувствовал, как по его телу пробежали мурашки, и что-то внутри сжалось в комок: настолько его лицо было обезображено.

– Что ты вернул? – Спросил он.

– Я вернул способность созерцать красоту. Отныне я вновь чувствую ее в себе и в своих новых скульптурах: только теперь они стали поистине прекрасными. Впервые в жизни я ощущаю настолько глубинное удовлетворение от собственной жизни.

– Это замечательно. – Уклончиво сказал Эрнест Рудольфович. – Давно я не видел тебе в таком бодром расположении духа.

Макс был возбужден до крайней степени; его речь была отрывиста, а в глазах метался огонь. Он резко шагнул из стороны в сторону, не найдя себе место. Эрнест Рудольфович старался не показывать ему своего удивления и беспокойства, но решил, что лучше всего перевести тематику разговора.

– Вот, – он положил на кухонный стол папку с документами, – это ты должен до завтрашнего дня подписать. Там, где увидишь галочки, должна стоять твоя подпись, фамилия и инициалы. Я заеду и заберу завтра все к обеду. Справишься?

– Да. – Ответил Макс.

– Могу я вам кое о чем спросить, но пообещайте, что ответите честно? – Спросил Макс после короткой паузы и испытующе посмотрел на Эрнеста Рудольфовича.

– Я слушаю.

– У меня никогда не получалось осознать, как люди могут понимать друг друга, если мир каждого из них – это совершенно разные явления. Чтобы был понятен мой вопрос, я приведу пример. Я точно знаю, что мое лицо для вас кажется гадким и мерзким, но как мне понять насколько оно омерзительно для вас, и насколько оно омерзительно для кого-то другого? Другими словами, как мне достоверно узнать, что именно видите вы в этом мире, и насколько увиденное вами соответствует тому, что вижу я?

– Твое лицо не омерзительно для меня. Я знаю, кто ты и знаю тебя как человека, поэтому, как ты можешь отвечать за...

– Минуту, – перебил его Макс, – я знаю, что мое лицо для вас омерзительно. Оно прекрасно и красиво только для меня и не для кого больше: остальное, что бы вы ни подумали – это лишние слова. Вы заметили, что я не надел сегодня маску? Это все потому, что я отказался смириться со своей судьбой; я не покорился ей. Если судьба и существует, то она точно не ожидала, что я возблагодарю ее за подобную игру, потому что отныне я обрел настоящее знание о подлинной красоте.

– Что же такое подлинная красота, Максим? – Спросил Эрнест Рудольфович.

– Это наугад вытащенная карта из толстой колоды; это крупичка, взятая из морского песка. В нашей жизни случайность решает намного больше, чем мы думаем.

– Но, – замылся Эрнест Рудольфович, – почему тогда красота в большем случае означает почти одно и то же; почему люди видят красоту преимущественно в одних и те же предметах и явлениях?

– Это очень просто. Каждый вытаскивает разные карты или разные по размеру, цвету и составу песчинки, но их выбор не имеет смысла: важно не то, что они имеют в руках, а что они хотят видеть в том, что выбрали. Видят все, как вы сами, заметили – одно и то же.

– Но ты же понимаешь, что такое объяснение абсурдно! – Вскрикнул Эрнест Рудольфович. – По-твоему красота – это что-то, что заключено в жалком и узком человеческом сознании? Это неслыханно! Как эгоистично и антропоморфно! Красота не может быть достоянием человека; она принадлежит всему миру и приписывать ее себе – преступление по отношению к эстетике.

– Красота принадлежит только мне и никому больше. – Заключил Макс.

Эрнест Рудольфович промолчал; он подумал о том, что его визави понемногу сходит с ума; ему было жалко видеть обезумевшего человека, который под ударами судьбы не сломился, но совершенно исказил нормальное восприятие мира. И разве имеет он право переубеждать Макса и навязывать ему свое мнение? Долг перед искусством обязывал его отстаивать истину, но долг перед Максом и случившимся с ним несчастьем призывал его смиренно молчать.

Закипел чайник. Макс начал готовить завтрак и две чашки; он заметно успокоился и чувствовал себя превосходно. Легкая перебранка с Эрнестом Рудольфовичем не изменила его убеждений, а, наоборот, еще раз подтвердила правоту относительно природы и значения красоты для человека. Через минуту он вернулся к столу и разлил чай. Эрнест Рудольфович отрезанно смотрел в окно и старался не смотреть на лицо Максима, хотя понимал, что обязан мужественно и стойко принимать его безобразие.

– Как поживаешь? Чем занимаешься? – Наконец разрушил напряженное молчание Эрнест Рудольфович.

– Красотой и лицами. Вы знаете, в чем мое призвание.

– Твой лечащий врач, Арина, имела неосторожность рассказать мне, что ты занимаешься скульптурой. Мне бы хотелось взглянуть на твое творчество, если ты не будешь возражать.

Макс рассмеялся; его искаженная улыбка заставила содрогнуться Эрнеста Рудольфовича.

– Вы настоящая акула в мире искусства. Никогда не упускаете возможность извлечь выгоду из любой ситуации. Почему мне кажется, вы навещаете меня и помогаете только для того, чтобы увидеть мои скульптуры и оценить их стоимость? Вы же давно узнали о моем творчестве, верно?

– Макс, не говори глупостей. Ты мне как сын родной. Я тебе помогаю, потому что кроме меня у тебя никого нет. А на счет скульптур... решай сам показывать мне их или нет. Мне плевать. Я не за этим сюда пришел.

– Эрнест Рудольфович, кого вы обманываете. Я знаю вас не первый год; знаю вашу предпринимательскую натуру, любовь к деньгам и цинизм. Не стройте из себя святого. Признайтесь, что вашему любопытству и интересу можно только позавидовать; признайтесь, что каждую нашу встречу в этой квартире вы хотели заговорить со мной о моем творчестве, но молчали, потому что боялись спугнуть меня.

– Я уже говорил сегодня, что не хочу тебя обманывать, поэтому не заставляй меня повторяться. Да, ты прав: каждый раз я хотел узнать о твоём творчестве, и каждый раз заставлял себя молчать. Но в одном ты ошибся, и ошибся ты в главном: я не боялся тебя, как ты выразился, спугнуть, я боялся потерять в тебе своего друга.

– С каких пор вы стали таким сентиментальным! – Ухмыльнулся Макс. – И еще, ваше лицо: я никогда не говорил вам о том, что о нем думаю, а сейчас скажу. Вы, Эрнест Рудольфович, красивы по общим меркам. Ваше лицо привлекательно, оно обладает той мужественностью, утонченностью, элегантностью и силой, которую любят женщины. Ваше лицо вызывает

доверие и неосознанную симпатию. Но все дело в глазах. Многие говорят, что глаза – это зеркало души, но я скажу, что лишь умение всматриваться в глаза, дает возможность познать человеческую душу. Ваши глаза хитрые, немного с прищуром, зачастую они бегают в разные стороны, как у мелкого животного, которое оказалось перед выбором между двумя лакомствами. В этих глазах я на протяжении нескольких лет наблюдаю противоборство между моральным долгом и прагматичностью. Эрнест Рудольфович, каждый из нас желает стать лучше, но в какой-то момент необходимо признаться себе в том, кто вы есть в действительности. Рано или поздно неизбежен момент горького осознания своей природы. Вы алчны, Эрнест Рудольфович, и жизнь научила вас скрывать эту алчность за добродетелью. Признайтесь себе в этом, и вы по-настоящему станете лучше.

– Что же, – промолвил Эрнест Рудольфович, чувствуя глубокую обиду, – я не думал, что ты настолько проницателен и разборчив в человеческих душах. Переубеждать тебя, считаю, дурным тоном и не буду этого делать. Завтра в обед я заеду за папкой; тебе нужно будет подписать все документы. – Он встал и направился в коридор. – Я сам найду выход. – Добавил Эрнест Рудольфович.

– Я хотел показать вам свои скульптуры. – Сказал Макс. – Разве вы не хотите взглянуть на них?

– Искусство, Максим, это, прежде всего, содержание и только потом форма. Мне же не хочется смотреть на форму, за которой нет ничего важного и осмысленного: ничего злого или доброго. Даже самая великолепная и красивая форма, которая скрывает пустоту, это плохая форма.

– Помимо того, что вы алчны, так вы еще ироничны и язвительны. – Зло прошептал Макс. – Прощайте.

Мастерская была окутана мраком. Единственное окно, выходившее во двор и являвшимся источником солнечного света, было покрыто плотной черной тканью. Макс вошел в помещение и включил свет. На серых бетонных стенах по всему периметру зала были прибиты деревянные полки в несколько ровных рядов. Они были пусты за исключением одной, находившейся напротив входной двери: на ней стояли вылепленные портреты человеческих лиц. В центре мастерской находился старый табурет; он как обычно сел на него и начал смотреть на изуродованные скульптуры. У первого портрета было перекошенное лицо, губы были дотянуты до кривых ушей и, казалось, что это была улыбка дьявола; у другого была высечена часть щеки, и внутри нее можно было увидеть челюсть с острыми зубами, а один из глаз отличался от другого цветом и крошечным размером; у третьего отсутствовал нос, щеки были невообразимо растянуты в разные стороны друг от друга, и там где, должны быть волосы, зияла пустота; у четвертого, самого ужасного и отвратительного, все части лица были на месте, но они были словно размыты и поражены тонкими рубцами и шрамами. Макс смотрел на эти портреты и чувствовал, как его охватывает внутренний восторг и трепет. Последние три дня он неотрывно и страстно исправлял четыре скульптуры, которые были самыми прекрасными в его коллекции. Он не щадил их прежнюю форму, самоотверженно и страстно высекая рабочими инструментами настоящее искусство. Общей особенностью этих скульптурных портретов заключалась в цветовой гамме: они были выкрашены в черный и желтый цвет, и складывалось впечатление, словно эти цвета существуют вне формы скульптуры, и, они будто обретали автономию и суверенное право вести борьбу по отношению друг к другу на поверхности обезображенной материи.

– Вы великолепны. – Прошептал Макс. – Цвет дополнил новоявленную красоту жизненной силой. Я исправил вас, которых ошибочно считал апогеем эстетики этого мира; я вернул вам утраченную любовь и придал ей совершенную форму. Вы, которых никто и никогда не будет способен понять; вы, которых сочтут изгоями и уродами; вы, покусившиеся на жалкую

нормальность ничтожного общественного мнения; вы, которые будете терзать восприятие всякого ограниченного существа, теперь обрели в моих глазах великолепии. Вы стали воплощением меня, а я, благодаря вам, обрел возможность вновь восхищаться и радоваться жизни. Никто и никогда не сможет разлучить нас; в каждой вашей совершенной черте, в каждом переходе изломанных линий, я оставил отпечаток своей души. Вы – это брошенный вызов судьбе и всесильной случайности, которым я отказываюсь быть покорным. Ничего не заслуживает в этом мире смирения.

Макс подошел к четырем скульптурам и аккуратно притронулся к каждой. Первый портрет был копией молодой девушки, которую он встретил в далекие школьные годы. Он помнил тот жаркий летний день, когда его взгляд бережно коснулся ее лица. Девушка была одета в легкое, почти невесомое платье, через которое едва можно было разглядеть стройное и нежное тело. Она была улыбчива и игрива; каждое ее упругое движение воплощало безграничную любовь ко всему миру. Ее рыжие волосы развивались по ветру, а на худом лице можно было различить горсть веснушек, которые изящно подпрыгивали вместе с ней. Ее губы, созданные творцом для любви, всегда дарили миру лучезарную улыбку, а мир улыбался ей в ответ. Макс видел ее не больше одной минуты, но запомнил навсегда, оставив черты ее лица в своих воспоминаниях и в форме изящной скульптуры молодой девушки. Второе изваяние было воплощением старой женщины. Макс часто встречал ее осенними днями в городском парке и, стараясь не привлекать к себе внимания, тайно наблюдал за ней. Женщина была слишком стара, и было понятно, что дни ее жизни приближались к концу. Она с трудом ходила, опираясь на деревянную трость, и ее руки беспощадно мучил легкий тремор, который она не старалась унять, словно давным-давно привыкнув к нему. Женщине можно было посочувствовать, наблюдая, как угасает ее здоровье, а тело день за днем лишается жизненной силы. Макса она привлекала смирением, которое олицетворяло ее образ; он различал это состояние в ее задумчивых глазах, когда она добиралась до скамьи, расположенной под кроной раскидистых деревьев, и легким, почти беспечным и невозмутимым взглядом всматривалась в окружающее пространство с голубым небом, ярким солнцем, улыбающимися лицами, зеленой травой, щебечущими птицами, прыгающими с одного дерева на другое, и насекомыми, которые хаотично кружились вокруг нее в свежем воздухе. Ее внимательные глаза, испещренные глубокими морщинами вокруг, источали поразительное спокойствие и умиротворенность; старая женщина каждый день на протяжении нескольких месяцев ходила в парк, и Макс видел, как стремительно умирает ее изможденное тело. Его поражала стойкость, с которой она принимала мерцающую неизбежность будущего, и, не смотря на приближение смерти, могла наслаждаться своими последними днями. Однажды женщина не пришла в парк; ее скамейка пустовала, и Макс понял, что ее жизнь подошла к концу. Долгими днями, складывавшиеся в месяцы и годы, он не мог перестать думать о ней, и не мог перестать наслаждаться воспоминаниями форм ее прищуренных глаз, смиренно принявшими неизбежность смерти. На третьем портрете Макс изобразил мужчину, которого однажды повстречал холодным и дождливым днем на кладбище. Мужчина был средних лет, высок и широкоплеч, он был одет в классический черный костюм и в руке держал толстый кожаный портфель. Он стоял перед могилой и неотрывно смотрел на скромный памятник с белым крестом. Его волевое и строгое лицо было красивым и печальным. Однако вместе с глубокой грустью Макс заметил в этом человеке непокорность. Мужчина, словно вел наедине с собой внутренний диалог, не соглашался с тем, что диктовало веление его сердца или голос разума. Макс в тот день затаился за стволом большого дуба, располагавшегося в метрах двадцати от мужчины, и жадно впитывал образ его лица. Дул сильный ветер; с деревьев слетали желтые листья и, покругившись в воздухе, они плавно опускались на землю; на небе собирались черные, грозовые тучи. Прогремел гром, вдалеке ударила молния, пронзив ломаным трезубцем небосвод; начался сильный дождь. Макс не обращал внимания на изменившуюся погоду и готов был промокнуть насквозь, только бы была возможность продлить мгнове-

ния своего созерцания. Наконец, мужчина открыл портфель и, достав что-то оттуда, положил на могилу; он приложил руку к памятнику, перекрестился и быстрым шагом зашагал по мокрому тротуару. Макс выждал несколько минут и подошел к могиле. На памятнике находилась круглая фотокарточка маленькой девочки, чье улыбочивое лицо было сильно схоже с лицом ее недавнего посетителя, и надпись «Покойся с миром, ангел». На могиле лежала уже вымокшая от дождя плюшевая игрушка. Четвертый портрет был единственной скульптурой, которую Макс так и не смог закончить. На протяжении многих бессонных ночей он старался высечь из мрамора лицо своей матери, которую смутно помнил по детским воспоминаниям. Как бы он не старался воссоздать черты ее лица, предать своему прошлому очертания в настоящем – он не мог. Каждая попытка заканчивалась неудачей. Макс был несчастен, но приходя с работы, вновь предпринимал очередную попытку. В итоге мраморная скульптура представляла собой символ бесчисленных и неудачных попыток воплотить желаемое в материальную реальность. Но теперь после того, как Макс прозрел, он смог передать истинный образ своей матери, который состоял из размытых черт лица, испещренных тонкими шрамами и рубцами.

Макс помнил историю каждой скульптуры; помнил их первоначальный вид, который он изменил, наделив их подлинной красотой. Он смотрел на скульптуры и чувствовал глубокое удовлетворение и приступ бескрайнего счастья, которое теплыми сгустками распространялись по телу. Макс думал о том, сколько ему еще предстоит работы, и мечтал как можно быстрее приступить к ней. В дальнем левом углу его мастерской были собраны все те скульптуры из прошлого, которые ему предстояло переделать и наделить их новой красотой. Они, навалившись друг на друга, напоминали своей формой треугольную пирамиду и картину Вознесенского «Апофеоз войны».

– Доброй ночи. – Сказал он. – Завтра я вернусь к вам, и мы продолжим начатое.

Максу снилась его мать. Она зашла в его детскую комнату и аккуратно села на маленькую кровать. Ее большие и карие глаза долго смотрели на него, прежде чем она начала петь колыбельную. Во сне Макс видел ее красоту и впервые смог различить черты ее прекрасного лица. Голос сопрано нашептывал ему песню, а лицо матери постоянно менялось, как в калейдоскопе: он видел ее совершенные, неповторимые и изменчивые черты, придававшие форме особенную красоту. Спустя много лет Макс смог вернуть утраченное родство.

На следующий день, ровно в назначенное время в квартиру Макса зашел Эрнест Рудольфович после того, как несколько минут безрезультатно стучал в дверь. Узкий коридор был погружен в темноту, и только из кухни тянулась бледная, тонкая полоса света; дверь, ведущая в зал, была закрыта. Странное чувство посетило в тот момент Эрнеста Рудольфовича, даже не чувство, а скорее предчувствие, заставившее его содрогнуться и в нерешительности остановиться на несколько мгновений в прихожей. Он три раза подряд окликнул Макса, но никто не отзывался. Квартира в тот момент представляла ужасное и жуткое зрелище, поглощенное темными тонами, абсолютной тишиной и спертым воздухом, в котором словно повисло нечто необъяснимо устрашающее. Эрнест Рудольфович сначала заглянул на кухню и заметил, что на небольшом столе стоял вчерашний заварник, две чашки и папка с документами, которую он тут же открыл и убедился, что Макс ничего не подписал. Он еще раз крикнул его, но голос его внезапно дрогнул, так и не закончив фразу. Эрнест Рудольфович захотел тут же уйти из этого места и больше никогда сюда не возвращаться: внутреннее чутье, которому он привык доверять право выбора на протяжении своей долгой жизни, тянуло его к выходу. «Вон отсюда, – вон! Чем быстрее, тем лучше» – судорожно подумал он, но тут же о чем-то задумался. Спустя минуту или две, которые он провел, что-то решая с самим собой, Эрнест Рудольфович, набравшись мужества, пошел по направлению зала. Открыв закрытую дверь, он очутился в просторной комнате, которая была освещена совсем тусклым желтым светом. Перед его взором открылись занавешенные плотной черной тканью окна, очертание бетонных стен, по периметру которых тянулись контуры пустых стеллажей, множество беспорядочно разбросанных по полу инстру-

ментов, и в дальнем левом углу он увидел высокую пирамиду из прекрасных и красивых портретов, которые тянулись почти до самого потолка. Эрнест Рудольфович вошел вглубь темной комнаты, и только теперь он смог увидеть перед собой четыре изуродованные скульптуры, стоявшие на самой нижней полке стеллажа. Рядом с ними, поджав колени к груди, сидел Макс. Он издавал тихий, грудной стон и методично качался взад и вперед. Его широко раскрытые глаза смотрели в одну точку; в этом взгляде Эрнест Рудольфович сразу увидел безумие.

**«Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя»
Ф. Ницше.**

Одиночество

Вечерело; грузные, грозные облака нависали над городом К., и казалось, что той странной тишине, в которую обратилось все в округе, никогда не будет конца. Ветер подозрительно затих; дворы и площадки опустели: одинокие люди неуклюже спешили домой, иногда в надежде поднимая головы вверх, и после секундного молчаливого созерцания ускоряли шаг; одна лишь автострада оставалась жить в динамичном ритме, прогоняя по своим венам стаи искрящихся желтым огней. Все это наблюдал Иван с балкона скромной, съемной квартиры; он внимательно следил за каждым изменением, происходящим в поле его зрения, и, если что-то нарушало статичность картины, то он перемещал фокус своего внимания на новый объект. Его мысли находились далеко от реального мира. Иван представлял себя исследователем, погруженным в глубокие пучины необъятного океана. Океан был темен и скрыт; в нем было много неизведанного и непонятного, захватывающего и манящего, а у него был только тусклый луч света, пронизывающий на несколько жалких метров маслянистую жидкость. То, что он видел своими глазами в присутствующем мире, состоящим из материи и вещей, казалось ему нереальным, словно отдаленным от поразительно очевидной действительности, однако то, что происходило в его незаурядной игре сознания без правил, было намного реальнее торопливых и скучных людей, хмурых туч, отскрипевших минорные ноты качелей, одинокого двора и вереницы глазастых огней: все это было до мурашек ясно и прозрачно, поэтому Ивану ничего не оставалось, как беспечно переводить томный взгляд с одного места раскрывающейся перед ним картины на другое. Никаких дел на сегодняшний день у него не оставалось, поэтому он мог позволить себе и океан, и тишину, и вечерний покой, и глубокое погружение в неизведанные или давно позабытые мысли; в общем, он мог насладиться своим собственным одиночеством в то время, как одиночество наслаждалось им.

Его расколотые мысли олицетворялись корявыми рифами или вальяжно проплывшей рядом могучей рыбой, или тянувшимися на длинные метры в разные стороны водорослями, или устрашающими муренами с хищными пауагами, или стайкой разноцветного планктона, за которым резво скакали морские коньки, или, если везло, он освещал тусклым лучом света подводные пещеры, в которые можно было пробраться и ступить на твердую почву, огибая скалистые выступы и минуя узкие места. Ивану нравилось состояние пассивного эскапизма, смешанного с вымыслом, но вымыслом, который отсылал его к мерцающему прошлому, его давно пережитому и позабытому в жизни – к его будто недавно пережитому, но давно потерянному. Он жалел только об одном: о том, что не может осветить все подводное царство ярким, всеохватывающим светом и увидеть его растерзанные и жалкие осколки в чем-то едином. Иван думал, что, если бы у него это получилось, то он бы разобрался в утраченном времени.

Начался сильный дождь; вдалеке прогремел раскатистый гром; из клубящихся копотью облаков сверкнуло несколько молний; во дворе в ассонанс затрещали сигнализации машин. «Если только на минуту увидеть свое прошлое в одной фразе или выражении, или образе... это тоже, что и обрести пропащую ясность и понятность. – Думал Иван и удивлялся своим

мыслям. – К чему это все? Какое прошлое? Что такое, в конце концов, пропащая ясность?». С изменившимся настроением он вернулся в темную комнату и не без раздражения осмотрел ее: ничего в ней не менялось, вещи, как были, так и оставались сами собой – тихие и смиренные, как покойники, от них исходила прохлада и равнодушие, или с улицы веяло холодом? Иван закрыл балкон, включил свет. Свет осветил комнату: мягкая оранжевая палитра растеклась по геометрии углов.

«Когда ты думаешь, что погружаешься в одиночество – одиночество погружается в тебя. – Сказал себе Иван и сел на диван. – Впрочем, это только игра слов и ничего больше».

Он просидел наедине с самим собой около получаса; весь мир словно забыл о нем, и Иван был благодарен ему за забывчивость в этот вечер. «Интересно, сколько людей до меня испытывали нечто подобное? – Спросил себя Иван, но так и не пришел ни к какому ответу, потому что не мог понять, что конкретно он испытывал и чувствовал, и что значит: «...нечто подобное».

Дождь не прекращался. Ивану стало неожиданно тошно и скверно на душе: эта комната, эти вещи, эта мрачная погода, эта атмосфера отчужденности, эти мысли, которые будто были только его мыслями и ничьи больше, эти переживания и душевная рефлексия как бы принадлежащие его личности, его сугубо наполненному существованию в самом себе, эти выводы и красивые вопросы, которые были ничем иным, как умелой комбинаторикой слов и смыслов... «Все это уже было; именно так и было; было с кем-то, так же как и со мной. Я знаю, что я уже видел и слышал, где-то читал именно об этом: об утерянном времени, о темном океане, который сравнивался с тем, что недоступно нашему сознанию, а сознание выступало в качестве тусклого луча света, которым освещается подводное царство. Моя валяжная поза, комната, диван, одинокий вечер, усталость, звучание дождя, окончание долгой и изнурительной подготовки к завтрашнему дню, в котором решится моя судьба: особая атмосфера, которую я чувствую и не могу объяснить... Эти антропоморфные мысли об одиночестве... Я словно попал на съемочную площадку, в стремительно развивающиеся события фильма, переписанный с книги, которая была всего лишь жалким завуалированным плагиатом огромного пласта искусства. Все это уже было, все это уже думалось и чувствовалось до меня; никогда я не смогу сказать, что я мыслил мои и ничьи больше мысль и имею на них суверенное право. Разве когда-либо я воображал образы, принадлежащие лишь мне? Мой взгляд на мир... разве это мой взгляд на него? Я мыслю копии, бесконечные копии, которые я неправомерно присваиваю за свою собственность. Я лишен всякой индивидуальности, я лишен авторства, лишен интеллектуального права собственности. Я обманщик, выдающий себя за новатора: стоит только признаться себе в том, что каждая мысль – это переделанная мысль, взятая из книги у харизматичного героя или вырванная из контекста хорошего фильма, или прочитанная в стихотворении или поэме, услышанная краем уха в вагоне метро или за ужином в Метрополе. Если так, то кто я после этого? Оригинальный копировальщик, искусный фальшивомонетчик или бездарный подражатель? Быть может, всего лишь пустое место? Что в таком случае остается от меня? Какой смысл в моих украденных размышлениях, душевных поисках, освещаемых тусклым светом в мрачных водах океана? Что я могу чувствовать после этого? Презрение? Презрение к себе, к людям, ко всему человечеству, которое лишило меня моих исключительных мыслей, моей неповторимой и суверенной жизни, моего авторства, лишило мне возможности быть оригинальным... Я чувствую презрение к своему существованию. Презрение к избыточной культуре. Каждая моя мысль – это мысли человечества, каждое мое действие – это действие моего окружения, мои чувства – это следствие моей человечности, эволюции, генезиса, логоса, хроноса, расы, эроса. Я словно лишаюсь всякой меры ответственности за самого себя; я словно теряю свою личность – пустого места, которого нет».

Раздался телефонный звонок. Иван вздрогнул от неожиданности и ощутил громкое бие-ние сердца. Номер был незнакомым. Он ответил, но на другом конце была тишина – тишина

необычная, будто чем-то разрушаемая то ли редким дыханием, то ли помехами связи. Около минуты Иван стоял с телефоном у уха, после чего отключил вызов. «Сигнал, который сообщил мне пустоту» – подумал раздражительно Иван, после чего лег на диван и спустя несколько минут уснул, но прежде напомнил себе, что завтра для него будет ответственный и важный день – день, который может изменить всю его жизнь.

Желтый; ярко-желтый свет разбудил его. Из окон струились мягкие и теплые солнечные лучи, и, попадая на тонкую кожу сомкнутых век, забирали Ивана из его беспокойного сна. Часы показывали шесть утра; Иван после недолгого раздумья резко вскочил на ноги, добрался до телефона и набрал одиннадцать заученных наизусть цифр.

– Все в силе? – Спросил он, когда услышал хриплый бас в трубке.

– Нет. Только хотел тебе звонить. Все отменяется. Ночью объект увезли. Рембрандт ушел по-английски, оставив в место себе репродукцию. Прощай.

Облегчение; груз с плеч; конец всему. Иван чувствовал печаль, досаду, разочарование, ведь только что наступил конец всем его планам, надеждам, мечтам. Сколько раз он твердил себе, что ни на что уже надеяться не стоит, что лучше не планировать ничего и, если и планировать, то только худшие исходы; но, что, в противном случае, может быть сильнее и живучие крохотной частицы надежды, которая вирусом заражает собой человеческое существование? И все-таки было облегчение. Конец, видимо, всегда такой и неважно, что окончилось: дружба, любовь, детский сад, школа, рабочая смена, день, праздник, будущее, мечта, жизнь... это было и больше уже не будет, разве не приятное и не странное чувство закрадывается в душу, когда мыслишь об утрате? или когда думаешь о прошлом, которого не вернуть никогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.